Виталий Каплан
ЮГ ТАМ, ГДЕ СОЛНЦЕ

Виталий Каплан

Юг там, где солнце

«Автор»
1995

Каплан В. М.

Юг там, где солнце / В. М. Каплан — «Автор», 1995

В 1995 году в России случилась консервативная революция, реставрирована самодержавная монархия, у власти — глубоко верующие православные люди, которые установили, по сути, религиозную диктатуру. Молодой поручик Алексей Бурьянов служит в УЗВ — Управлении защиты веры. Это ведомство выслеживает и карает практикующих оккультистов, в народе его называют инквизицией. И вот Бурьянов отправляется в провинциальный город Барсов, откуда поступил сигнал о деятельности некого могущественного мага. Но маг оказался 13-летним подростком, и вообще всё оказывается не совсем так, как привык думать и верить Алексей. В нём бушует конфликт долга и совести... Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 1995
© Автор, 1995

Содержание

Глава 1. Культурный отдых 5
Глава 2. Если не мало 20
Глава 3. Мир не без добрых людей 23
Глава 4. О совпадениях 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Виталий Каплан
Юг там, где солнце
повесть

Глава 1. Культурный отдых

Факелы, воткнутые в медные, позеленевшие от времени кольца, чадили, готовые погаснуть. Но не погаснут – Малиновым Старцам как раз и нужен этот полусвет-полумрак. Положено по правилам Ритуала Дознания.

Впрочем, они не возлагают особых надежд на заклинания. Есть у них и более действенные средства – вот они, разложены на оцинкованном столе. А вдали уже разогревается чугунная жаровня… И пляшут на сырых стенах странные, изломанные тени.

Если исхитриться, можно увидеть и самих Старцев. Те думают, будто до меня доносятся лишь их усиленные воронкой голоса. О том, что нас учили *внешнему зрению*, дознаватели не в курсе. Впрочем, что мне с того – всё равно огнедышащие иглы скоро поднесут к глазам. Что ж, значит, такова Божья воля, надо смириться. В конце концов, и слепые живут… Главное – они не должны узнать, кто из Ближней Свиты дал нам наводку на Магистра. Просто не должны, и всё.

– Ну хоть капля здравого смысла осталась в твоих мозгах, юноша? – вновь затянул свою нудную волынку Старец-допросчик. – Из этих стен тебе не выйти, и ты знаешь это. О другом подумай – легко ли ты отплывёшь в *странствие*. Увы, ты сам не оставляешь нам выбора. А у нас богатая практика.

Я знал. Но знал и то, что Старцам не хватит времени, меня уже три дня как ищут, а за три дня наше Управление способно горы ввергнуть в морскую пучину. Да, Старцы это понимают. Значит, удовлетворятся истекающей из меня болью. Зарядят биоэнергией свои *живые батареи*. У Старцев все идёт впрок. Но про Магистра-то они в любом случае не узнают. Недаром нас так долго учили технике *забывания*.

Мои шансы нулевые. И надо же было так наивно купиться на перехваченную Ярцевым шифровку… Вот и виси теперь нагишом на холодной гранитной стенке. А вырвать руки из намертво вделанных в сырой камень колец – не в человеческих силах. И всё же… Безумная, вопреки всякой логике надежда почему-то не оставляла меня. Надежда… Она умирает последней. Тем страшнее её агония. Но лучше так, лучше безумие, чем дурная, ватная покорность. И я отчаянно, понимая, что всё уже зря, рванулся.

Вагон дёрнуло так, что задрожали пыльные стёкла, и свалился с нижней лавки баул моей соседки по купе. Лихо тормозят, ничего не скажешь. Мастера.

Впрочем, это и к лучшему. Пещера Малиновых Старцев – неподходящая тема для сна. Пускай тогда, позапрошлой осенью, всё кончилось хорошо. Пускай Каширинские ребята и подоспели вовремя, когда хищное железо уже впивалось мне в рёбра. Неделя реанимации, понятно, не в счёт.

– До чего докатились, а! Им что брёвна, что люди – всё одним цветом, лишь бы получку в зубы, а ездить не научились, – энергично комментировала соседка, исследуя сохранность исполинского чёрного баула. Её муж, суховатый дяденька с рябым лицом, молча достал из-под крышки сиденья чемодан. На супругино ворчание ему было плевать. Привык, должно быть..

Ну, вроде приехали. И хотя это не конечная (после Барсова поезд сворачивает к востоку и тащится до самого Дальногорья), но выходят здесь многие.

Молоденькая проводница сунулась в купе, выложила на столик наши билеты и очень неофициальным голосом пожелала счастливого пути.

Попутчики мои немедленно устремились в коридор, где уже возникло изрядное столпотворение. Едва раскрылись двери – и народ, превращая свою потенциальную энергию в кинетическую, высыпал на растрескавшийся асфальт платформы. Малость переждав, вылез из душной утробы вагона и я.

На вокзальной площади фыркали заведенными моторами жёлтые автобусы, люди спешили занять места. Им было куда ехать.

А я стоял на опустевшей, дымящейся от зноя платформе, с брезентовой сумкой через плечо. Куда податься, я пока что и сам не понимал. Впрочем, так даже интереснее. Поглядим, что это такое – уездный город Барсов.

– Который час, мужик?

Рядом со мной нарисовалась потёртая личность неопределённого возраста. На глаз ей можно было дать от тридцати до пятидесяти – засаленные космы, серая мышиная кожа, из-под которой перекрученными бечёвками выпирали вздувшиеся вены. Ощутимо несло сивухой.

– Пять часов, – скользнул я взглядом по циферблату.

– А потом?

– А потом будет шесть, – повернувшись, я направился к ступенькам, которыми заканчивалась платформа. Ясное дело, поддерживать разговор не стоило.

– Куда же ты, мужик? – доносилось вслед. – Я же со всей, понимаешь, душой…

Это верно. Душа у нас нараспашку, равно как и двери. Впрочем, последнее нуждается в уточнении. Сейчас мне придётся выяснять, как у них тут в Барсове с гостеприимством? Три дня кантоваться…

Для начала следовало найти гостиницу. Удар, конечно, по бюджету, но отпускные мне выплатили как положено, за день. Да и Александр Михайлович, подписывая вчера мой отпускной лист, буркнул:

– Там делов-то на копейку, за полдня управишься. А остальное время уж как-нибудь. Само собой, в следующем месяце компенсируем тебе дорожные расходы.

Почему-то командировкой эти три дня он оформить не хотел. Были у моего начальника какие-то свои виды.

…Бабка, что торговала крыжовником возле платформы, меня не порадовала. Да, гостиница в городе Барсове несомненно имелась. Чуть ли не с доисторических времён. Другое дело, что была она закрыта по случаю очередного ремонта. Бабка охотно принялась объяснять подробности, но это уже было неинтересно. Купив у неё кулёк желтовато-багровых ягод, я отправился в свободное плавание.

Странствовать по такой жаре не столь уж заманчиво, как оно видится из окна скорого поезда, когда потное твоё лицо обдувает ветерок, мелькают вдали перелески, поблёскивают в берёзовых зарослях озёра…

…Асфальт ощутимо лип к подошвам и кое-где дымился, воздух медленными горячими волнами перекатывался через площадь, и выкрашенные в серовато-жёлтое приземистые дома еле заметно прыгали перед глазами, точно притворяясь пустынным миражом.

В поезде было душно, но все же попрохладнее. Тем более, скорость обеспечивала некий ветерок. А сейчас мне очень захотелось скинуть рубашку. Но не настало ещё время для загара и иных приятных занятий. Вот выполню просьбу Михалыча, дождусь в понедельник утреннего (девять сорок три) поезда на Заозёрск, сойду в четырнадцать ноль восемь на платформе Грибаково – и тогда… Тогда начнётся мой законный отпуск, тридцать шесть рабочих

дней. А пока расслабляться незачем, пока имеет место непонятно что. Командировка, которая считается вроде бы и не командировкой, а пятницей без сохранения плюс парой выходных. По приказу отпуск мой (кстати, первый за три года) начинается лишь с понедельника. И я мог бы взять билет на прямой экспресс Столица-Заозёрск, который отходит в субботу днём, и уже утром в воскресенье, как все нормальные люди, пил бы чай на застеклённой веранде в стареньком домике тёти Вари…

Вместо этого мне предстояло трое суток болтаться в занюханном городишке Барсове – ибо поезда на Заозёрск останавливаются здесь лишь по понедельникам и средам. И дело-то чепуховое, любой практикант справится. Тем более, и по статусу заниматься этим должна местная контора.

Но Александр Михайлович лишь хмыкнул и небрежным жестом отмёл мои доводы.

– Не бурли, – посоветовал он, деловито обмахиваясь первой попавшейся бумагой. Вентилятор у него сломался, а распахнутые настежь окна всё равно не спасали от зноя. – Как говорили в дни моей молодости, не гони волну. Сам же прекрасно знаешь, что все практиканты задействованы у Мустейкиса, и как это я, интересно, буду с ним объясняться? И вообще, лишних людей у нас не бывает. Пора бы данную аксиому усвоить.

– Между прочим, это дело вообще не по моему профилю, – уныло огрызнулся я, разглядывая свои старенькие ботинки. Всё никак не соберусь купить чего получше.

– Вот оно что… – ядовито протянул начальник. – А я-то, старый ворон, считал тебя всесторонним специалистом. Так, во всяком случае, записано в твоём выпускном свидетельстве. Между прочим, я вторую неделю сам кабинет подметаю, уборщицы кто в отпусках, кто на больничном. Вот это по какому профилю проходит, а?

Старый испытанный аргумент. Если уж сам шеф берёт в жилистые свои руки веник – подчинённые, восхищаясь этаким смирением, не должны чураться неуставной работы.

– Интересно, а в районе этим тоже заниматься некому? – всё-таки поинтересовался я, заранее зная, что возражать бесполезно.

– В районе, говоришь? – оживился Александр Михайлович, перестав даже подражать вентилятору. – А что ты вообще об их районе знаешь? Какие там сидят деятели, чего им стоит поручать, чего нет? Сигнал пришёл именно к нам, в Столицу, и заруби себе на носу, не случайно. Сам знаю, дело пустяковое, но суть не в нём. Тут, дорогой мой, есть некоторая политика, до коей ты, извини, пока не дорос.

Короче, так. Кроме тебя, действительно посылать некого. Не срывать же людей с текущих операций. А ты, Лёшка, всё равно в отпуск убываешь, да и Барсов тебе по пути. Держи папочку, там всё, что нужно тебе знать. Ступай, работай, и Держава тебя не забудет…

Однако надо чего-то решать. Гостиница накрылась медным тазом, но жить-то надо. По крайней мере, ночевать. Вокзал, понятное дело, не проходит. Значит, придётся снимать у какой-нибудь старухи угол. Дай, бабушка, воды напиться, а то так кушать хочется, что аж переночевать негде… Кстати, частное гостеприимство обойдётся куда дороже казённого.

Ладно, поброжу по городу, присмотрюсь. Что-то да отыщется. Не в местной же конторе ночлега просить. Начальник весьма недвусмысленно дал понять, что о неофициальном порядке моего здешнего пребывания местным деятелям знать до поры не следует. А попросишься на постой – сейчас же вопросы. Почему без командировочного удостоверения? А зачем, собственно, в наш городок? Можно, конечно, прикинуться этаким лопоухим туристом-отпускником, но и тут белыми нитками шито. Во-первых, с какой радости не прямым Заозёрским экспрессом, зачем с пересадкой? Чтобы сотрудник Управления, да ещё в Столице, билета не достал – это даже не антинаучная фантастика. Такого просто не бывает. А во-вторых, если сигнал подтвердится… Мне же тогда с местными придётся работать в кон-

такте. И тут уж точно вылезут наружу ослиные уши (не понять только, мои или дорогого нашего Сан Михалыча).

И пошёл я по плавящемуся от зноя древнему городу Барсову, разглядывая достопримечательности и соображая насчёт жилья. Хотя чем дальше, тем сильнее волновала меня куда более прозаическая тема – где бы чего попить.

Впрочем, посаженные по краям тротуара липы давали всё же хоть какую-то тень, иллюзию прохлады. А вскоре судьба преподнесла мне великолепный подарок – водопроводную колонку. Чистая, ледяная влага, от которой мир кажется добрее.

Но липовая аллея вскоре кончилась, и, шагая под бледным от зноя небом, я вдруг осознал, что смотреть городские достопримечательности мне ну совершенно не хочется, да и квартирный вопрос подождёт, а вот лечь бы на что-нибудь мягкое типа дивана и лежать, лежать, глядя в белый потолок. И чтобы никаких мух!

…Незаметно для меня широкая улица Бычкова съёжилась, как-то вдруг постарела, а потом и вообще расползлась кривыми переулочками. Выбрав наугад один из них, я зашагал по утрамбованной грунтовке. Асфальтом здесь и не пахло. Что же творится тут в осеннюю распутицу? Как ходят по колено в грязи обитатели этих одноэтажных приземистых домишек, отгородившихся ветхими заборами от бурления жизни? А вот так и ходят…

Впрочем, какое там бурление… Тихий провинциальный городок, полтысячи лет истории, впервые упомянут в такой-то летописи иноком Феогностом… Суконная фабрика. Развалины Белореченского монастыря… Их уже пятнадцать лет как восстанавливают, а результат нулевой. Что при плутократах, до Возмездия, что ныне, в богохранимой стране нашей… Средств нет, людей нет, одно слово, провинция.

А, ладно, вариться в этой кастрюле сил моих нет. Плюнув на приличия, я снял рубашку, обвязав её вокруг пояса. Так, бывало, ходили мы в детстве. Впрочем, как и нынешние пацаны. Вот уж действительно национальная традиция сложилась.

Правда, в таком виде малость затруднительно общаться на тему жилья. Насколько я представлял себе, обычно подобным промыслом занимаются бабки, а те во все времена блюли нравственность. Меня вполне могли принять за «недозрелого», и это заметно снизило бы мои шансы. Знали бы они… Впрочем, пусть уж лучше не знают.

Я всё же сделал несколько попыток. Поговорил с бабушками, которых обнаружил на узенькой лавочке под исполинской грушей. Груша обвисала зелёными, явно неспелыми плодами, и, что нехарактерно, росла не за чьим-нибудь забором, а прямо так, на краю улицы.

Бабушки вели неспешную беседу о ценах на огурцы, пьянстве чьего-то зятя и удручающем поведении внуков. Несмотря на жару, на плечи их были накинуты вязаные кофты, а головы покрывали шерстяные платки.

Нет, ничем помочь они мне не смогли. Они не сдают, и вообще не знают, а иди-ка ты, милый, к Софье Ивановне, она, Бог даст, примет.

Мне было подробно, со щедрыми комментариями поведано, как отыскать жилище Ивановны. Туда я и направил стопы, и, малость поблуждав между заборами, обнаружил добротный двухэтажный домик, окружённый тщательно прополотыми грядками.

Софья Ивановна, относительно не старая ещё тётка, выслушала мои грустные обстоятельства, пожевала узкими губами и назвала цену.

Я, конечно, на ногах удержался, боевой опыт всё же выручил, но очень уж соблазнительно выглядела лавочка у крыльца. Так и тянуло приземлиться. Ну, Ивановна! Это что же, я треть своих отпускных должен угрохать на раскладушку в сарае? Как говорит мой друг Серёга, спасибо, доктор.

– Не хочешь, не надо, – правильно истолковала моё молчание Ивановна. – Денег нет – на вокзале ночуй. Смотри только, чтобы не обули. У нас могут.

Нет, торговаться она не собиралась. И это было взаимно.

Покинув сии гостеприимные пенаты, я побрёл прочь. Куда? А я сам этого не знал. Куда придётся. Ну не на вокзал же.

Несмотря на вечернее время, жара не ослабевала. Солнцу всё никак не удавалось уплыть за горизонт, и окружающая действительность дрожала перед глазами, растекалась душными волнами густого, слегка пахнущего горьковатым дымком воздуха. Наверное, горят где-то торфяники. В такое лето неудивительно.

Я сделал ещё одну попытку – столь же неудачную. Нет, на сей раз цена выглядела вполне приемлемо, но возникли разногласия между хозяйкой и хозяином. Чем-то не приглянулся я этому простому, заросшему щетиной дядьке, а может, виной всему наличие молодой дочки, но…

– Самим жить негде, ещё чего удумала! Перетопчемся уж как-нибудь без евонных копеек, небось не нищие. Гуляй отсюда, парень. Бог подаст, свинья не съест.

Не понравилось мне это его последнее высказывание, но ладно. Нет у меня благословения обывательские мозги прочищать.

Я покинул неприветливый переулок и вышел на какую-то старую, мощённую гранитным булыжником площадь.

На противоположном конце её возвышалась ладная белая церковь с серебристыми (на самом деле это, конечно, оцинкованное железо) куполами. Издали она не казалась особо крупной, хотя, подойдя поближе, я понял, что ошибался. «Храм первоверховных апостолов Петра и Павла», прочёл я на привинченной к стене медной табличке.

Зайти бы внутрь, да служба давно кончилась. Я взглянул на часы. Так… Оказывается, уже половина девятого. И куда только время испарилось? Совсем обалдеешь в этой июльской духовке.

Ладно, завтра, может, загляну сюда на всенощную. Ну, и в воскресенье, само собой.

Можно, наверное, разжалобить сторожей и напроситься на ночлег, но мне почему-то этого не хотелось. Никаких рациональных причин не было, но всё же я побрёл дальше, оставив за спиной площадь.

Дальше обнаружился пустырь.

Наверное, когда-то здесь нашкодил пожар. Буйным розовым цветом полыхали заросли иван-чая, местами попадались гнилые, покрытые, точно зелёной шерстью, мхом брёвна, и конечно же, неистребимые крапивные джунгли без конца и края. То и дело встречались груды мусора. Под ногами поблёскивали хищными острыми гранями бутылочные осколки, и будь я босиком, кончилась бы эта прогулка весьма плачевно. Впрочем, даже и в обуви как бы во что не вляпаться. Судя по монотонному гудению отъевшихся туземных мух, здесь найдётся немало сомнительных мест.

Где-то вдали слышались детские вопли. Там, видимо, гоняли мяч, и как всегда бывает в таких случаях, эмоции перехлёстывали через край. Мне бы вот тоже сбросить лет этак пятнадцать – и туда, в гущу футбольной битвы, и обязательно чтобы разбитая коленка, можно и нос, всё равно потом мама, жалобно ругаясь, мазала бы йодом – зелёнку она не признавала.

Ладно, на всё Божья воля. В конце концов, я давно уже научился держать себя в руках. Хотя порой это бывало так трудно…

От грустных мыслей меня отвлекло чьё-то шебуршание в зарослях бузины. Слышался оттуда негромкий разговор, смех. Вылетел по крутой параболе окурок, мелькнул рыжеватым фильтром и шлёпнулся в чудом не высохшую лужу, зашипел рассерженным котом. Вот промахнись этот, из кустов, угоди он своим недогрызенным бычком в сухую траву – и пожалуйста, готово дело, заполыхало бы…

Пойти, что ли, познакомиться? Может, насчёт жилья чего посоветуют? Не стоять же тут столбом среди бурьяна и обгоревших балок?

Я раздвинул ветви и обнаружил разместившуюся на травке компанию. Трое мужичков лет пожалуй что за пятьдесят, не бродяжьего, но довольно потрёпанного вида. Перед ними имела место расстеленная газета с неприхотливой закусью – огурцы, несколько недозрелых помидоров, ломтики сала, нарезанный крупными ломтями ноздреватый чёрный хлеб, разумеется, толстый пучок зелёного лука – куда же без него? Над всем этим делом возвышалась прозрачная литровая бутыль самого распространенного напитка. И судя по оттопыренным карманам мужичков, одиночество ей не грозило.

– Здорово, отцы, – кашлянул я, привлекая к себе внимание. – Вы чего ж это окурками пуляетесь? Как я понимаю, один пожар тут уже был, не многовато ли?

Меня заметили.

– Здорово, сынок, – усмехнулся лысый дядька с дочерна загорелой физиономией, обнажая в ухмылке гнилые зубы. – Ты, часом не из пожарной инспекции будешь?

– Не, мужик, обижаешь. Это так, к слову. – Уточнять, из *какой* я инспекции, пока не стоило.

– За державу, значит, обидно… Ну-ну. Чего-то мне личность твоя незнакома. Ты с химзавода, что ли?

– Не, я приезжий. Тут такое дело… – вполне натурально замялся я, соображая, как бы понежнее подрулить к вопросу жилья.

– О делах, знаешь, давай после, – отозвался дядька. – Садись-ка лучше с нами. Потребляешь? – кивнул он на бутыль.

– Можно, если по чуть-чуть. – Пить в такую жару, понятное дело, смертоубийство, но отказ снизил бы мои шансы до нуля. А вечер всё же скоро перейдёт в ночь…

– Само собой, по чуть-чуть, – хитровато подмигнув, согласился мужик. – Мы тут, главное дело, только сели. Меня Фёдором звать. Фёдор Никитич, стало быть.

– Алексей, – коротко представился я, присаживаясь к газете. Остальные двое сотрапезников отозвались:

– Семён Андреич.

– Михал Алексаныч.

Произнесли они это почти одновременно, и лишь позднее, по ходу дела, я сориентировался, кто из них Сёма, а кто – Мишаня.

– Ну, приступим, – бодро скомандовал Фёдор Никитич, сворачивая бутылке жестяной колпачок.

Тут же на газете образовались три стопочки и бумажный стаканчик, видимо, из-под творога. Как я понял, персональная забота обо мне.

Никитич аккуратно разлил водку и, переждав секунду, объявил:

– Ну что, за встречу так за встречу. Вздрогнули?

Мы вздрогнули. Ну и дрянь же этот местный разлив!

– Ты закуси, закуси, – протянул мне огурец Мишаня. – Напиток, он закуси просит.

– Это уж точно, – подтвердил Никитич. – Ты, парень, закусывай, не жмись. У нас тут, конечно, небогато, зато всё по-людски. Ну так что у тебя за проблемы? – без всякого перехода вперился он в меня желтоватыми, похожими на кошачьи глазами. – Давай, колись. Может, подмогнём чем.

– Да, в общем, обычное дело, мужики, – я заговорил не спеша, как и подобает в таких случаях. – Я сам из Столицы, еду вон к тётке, в Грибаково. Может, знаете, это малость не доезжая Заозёрска. Ну вот, а с билетами сейчас напряжёнка, удалось только до Барсова взять, а отсюда не раньше понедельника, 148-м скорым. Так что перекантоваться где-то надо три ночи, а гостиница у вас на ремонте. Такие вот пироги с капустой получаются. Пробовал я тут на постой напроситься, да обломилось. Мне заплатить-то есть чем, отпускные вон получил,

да только народ здесь у вас… недоверчивый какой-то. Одна баба, правда, согласилась, да столько запросила, что лучше уж на вокзал. А остальные просто шуганули.

– Постой, это какая же баба? – встрял в мой монолог Сёма. – Сонька, небось?

– Ага, Софья Ивановна, – откликнулся я. – А что, известная личность?

– Это точно, известная. Жмотина ещё та. Она же тут у нас в ларьке сидит, пивом, значит, торгует. Не доливает, стерва… – он скорбно помолчал. – Хозяйственная баба, ничего не скажешь. Муж-то ейный, Санька, тоже мужик деловой был, на лесопилке, значит. Ну и прошлой осенью посадили. Что там стряслось, неясно, может, мало кому дал, или чего… Но с ним просто, если, скажем, вагонка тебе нужна, или тёс. А сейчас на его месте Осташкин сидит, старый козёл. С ним попробуй договорись. Идейный потому что. Вот. А как Саньку-то упекли, Ивановна совсем взбеленилась, кидается на копейку точно мышь на колбасу. Ну, оно конечно, двое детей, школу кончают, и все дела. А что у ней не остался, правильно. Она бы тебя как липку… Без рубля бы к тётке своей поехал.

– Ладно, Сёма, кончай базарить, – вмешался Никитич. – Мы вот сейчас лучше разольём. Между первой и второй перерывчик небольшой.

Вздрогнули мы и по второй.

– Эх, хорошо пошла отрава, – восхитился Никитич. – Уважаю. А ты, Лёха, чего сало не берёшь? – хлопнул он меня по плечу. – Сало есть лучшая закусь, что человечество изобрело. Его только маланцы не едят, да ещё татары. А наш человек…

Я, само собой, вспомнил Гоголя. Пан Данила, о коем Никитич, по всей вероятности, не читал, говаривал почти слово в слово то же самое. Своему тестю-колдуну.

Ну, чтобы не уподобиться иноверцам, сало я попробовал. В общем, как в анекдоте – сало оно и есть сало. Не люблю. С детства меня от него тошнит. Не знаю уж, какие тут инстинкты-рефлексы, но не люблю. К тому же – пятница. День постный. Ну да грех невелик… И пару ломтей, дабы не обидить Никитича, я сжевал.

– Ты, Лёха, не боись, ночлег мы тебе организуем, – обнадёжил меня Никитич. – Для хорошего человека ничего не жалко. Сам-то кем будешь? – полюбопытствовал он.

Всё развивалось правильно. Можно было уже переходить на «ты».

– Радиомонтажник я, на заводе «Маяк». Приёмники лепим. Раньше, до Возмездия, телевизоры выпускали, видюхи опять же. Но это, само собой, до меня ещё было. Теперь у нас продукция духовно выдержанная, – усмехнулся я. – Принимает только УКВ на трёх каналах, и довольно.

– А как насчёт семьи? – продолжал дознание Никитич.

Я замялся.

– Ну, женат в общем…

– Это дело хорошее, – кивнул он. – Баба-то сама как, ничего?

– Да вроде бы всё путём. – пожал я плечами.

– И давно ли с холостой жизнью распрощался?

– Уже пятый год повенчаны, – не спеша протянул я, уставившись в темнеющее небо. – Да и раньше гуляли, она же, Ленка, сама с «Маяка», в соседнем цехе работает. Так что повенчались мы, всё как у людей, приходской совет квартиру выделил, и недорого получилось, рассрочка на десять лет. Сам-то я раньше в общаге кантовался, а у Ленки хоть и двухкомнатная, так ведь там пятеро прописаны, да и со стариками её куковать всё же не с руки. Так что вот вышла у нас счастливая жизнь. Вкалывали оба, деньги у нас на «Маяке» не скажу, чтобы зашибенные, но на жизнь хватает, мебелью всякой обзавелись, я уже и насчёт машины подумывал.

– А раз уж такая благодать, – прищурился Никитич, – чего кольца не носишь?

Да, Фёдор Никитич глазаст, ничего не скажешь. Два стакана принял, а даже такую мелочь углядел. Ну что ж, легендой и это предусмотрено.

– Тут, мужики, такие дела, – я откашлялся и продолжал: – Беда у нас прошлой осенью случилась. Сынишка пропал. Ну, и Ленка моя вроде как сдвинулась. Вбила себе в голову, что раз не уберегли малыша, то как бы уже и не муж с женой. Кольцо своё в шкатулку убрала и меня заставила. Ну я что, заводиться тут буду? Раз она в таком состоянии.

– А что с ребёнком-то стряслось? – тихо спросил Никитич, пододвинувшись поближе.

– Украли его у нас, – глухо отозвался я, опустив взгляд. Словно меня ужасно интересовала пыльная трава. – Какая-то мразь со двора увела.

Кто-то из мужиков, не то Сёма, не то Мишаня, я даже и не понял, озадаченно присвистнул.

– Ни хрена себе фанера, – только и нашёлся что сказать Никитич. – Да как же это вышло?

– Да вот так и вышло, – я сглотнул и продолжал: – Лучше уж по порядку всё расскажу, так легче. Ну вот, значит, мы с Ленкой в положенный срок сына заделали, Саньку. Тоже, в общем, особых проблем не было, здоровым рос, хотя, конечно, крутиться приходилось. Но тут уж тёща подмогла. Каждый день с утра приезжала, сидела с ним. В детсад не отдавали, Анна Матвеевна, тёща то бишь, на пенсии, а в саду, известное дело, и простудят, и не уследят… Тупые мы с Ленкой были, одно слово. Прошлой осенью, в сентябре, всё, значит, и случилось. Я, понятно, на работе, а у Ленки отгул, она мать отпустила, сама, говорит, за Санькой присмотрю. И затеяла она генеральную уборку. Мы в субботу день рождения мой собирались отмечать, друзей позвали. Так ей же обязательно всю квартиру надо вылизать. Ну вот, Саньку она, значит, во двор выпихнула, в песочницу, велела не выходить никуда, пока сама за ним не спустится. Саньке-то четыре года исполнилось, сознательный уже пацан, жена особо и не дёргалась. Ну, одним словом, к обеду она во двор выходит, а ребёнка нигде нет. Ни в песочнице, ни на горке, ни возле мусорных баков, пацанва туда лазить пристрастилась, Ленка думала, может, и наш туда же. Ну, обегала она всю округу – без толку. Как сквозь землю провалился. Потом уже, ближе к вечеру, как я с работы пришёл, догадалась соседских детишек поспрошать, не видал ли кто. Вот, и девчонка Коростылёвых, это соседи с третьего этажа, говорит – Саньку вашего какой-то дядя забрал. Как так забрал? А очень просто, отвечает. Конфету шоколадную дал и за руку увёл. А Санька что? – спрашиваем. – А он пошёл, и весело так. Что за дядя? – выясняем. А дядя как дядя, высокий, в чёрном пальто. Балда… Десять лет девке, могла бы и сообразить, дурочка. Хоть бы к Ленке сбегала…

– Да-а, дела, – сокрушённо выдохнул Никитич, а Сёма так просто многоэтажно высказался.

– А что полиция? – сдавленно спросил Мишаня. – Неужто не помогли?

– Да в полицию-то мы первым делом помчались, – горько усмехнулся я, – а толку что? Заявление у нас, конечно, приняли, и следователь с нами беседовал, а результатов никаких. Вот уже год прошёл. Ищем, отвечают. Может, говорят, маньяк, а может, эти, сатанисты, для жертвы.

– Ну ё-моё… – только и нашёлся что пробубнить Сёма.

– Вот, – кивнул я, – Ленка тогда и слегла, и с головой у неё что-то повредилось. В общем, решила, пока сына не найдём, мы вроде бы и не муж с женой. Ну что с больной бабы-то взять? А главное, сына-то нет. Понимаете, мужики, проснёшься вот так ночью, вспомнишь всё – и сдавит тебя, прямо выть хочется. Ну, не повоешь ведь в самом деле. Схожу в кухню, водички попью. И так оно всё тянется, тянется… Иной раз не сдержусь, на Ленку прикрикну – на какого хрена было пацана во двор пускать? Мешал он тебе в квартире? Она реветь.

А если подумать – так я, вроде бы, во всём виноват. Мой же день рождения готовили. Не захоти я это дело устраивать – ничего бы и не было. Приехала бы тёща. Она женщина основательная, ребёнка бы одного не оставила. Вот так, значит.

Я перевёл дыхание. Дальше, по идее, можно было и не продолжать. Достаточно вроде бы для умягчения сердец. Но сказав «а», надо говорить и «б». Потому что реакция на «б» может оказаться весьма занятной. И даже полезной – в узко профессиональном смысле.

– Ну, а с другой стороны, – глухо бормотнул я, – ничего же ещё неизвестно. Трупа мы не видели. Вдруг отыщут? Хотя верится с трудом. Мы кто – мелочь, работяги. Как же, станет начальство ради нас бегать. Известное дело, если сановный чей ребенок, в лепёшку бы расшиблись, само Управление бы подключили. А для нашего брата – что при красных, что при плутократах, что сейчас, при Государе… На квартальном этом занюханном десятки нераскрытых дел висят, ему проще в архив списать, чем бегать суетиться. Квартальный, блин. Он как раньше участковым, так и… Да и рискованно оно, если и впрямь сатанисты. Отомстить могут. Порчу там наслать, или у самого ребятёнка сведут. Люди говорят, бывали случаи.

Ну, на полицию я особой надежды и не держал. А делать-то что-то нужно, не сидеть же так. Помаялся я зиму да весну, а потом нашёл завязочку. В общем, дали мне один адресок. Есть, значит, дедушка такой, он умеет *видеть*. Говорят, он воды в чашку нальёт, пошепчет, поглядит – а потом и скажет, где искать. Врут, наверное, а всё же чем чёрт не шутит. Вот и еду в Грибаково, там скажут, куда дальше. Ему, старичку этому, понятное дело, заплатить придётся, ну, мы с Ленкой насобирали, да и подкалымил я смальца, в мае взял две недели за свой счёт, ездили с мужиками одному начальничку дачу строить. Ну, он прилично заплатил, не обидел. Так что с дедом рассчитаюсь. Был бы вот толк…

Мужики помолчали. Тактичные, кстати говоря, мужики – не стали ни с утешениями лезть, ни советами кормить. Да и что тут посоветуешь? Ситуация безнадёжная, даже клиническому идиоту ясно. Причём на деле всё ещё хуже, чем по моей легенде. Витя Северский из пятого отдела, чью ситуацию я спроецировал на недалёкого трудягу-радиомонтажника, всё-таки не где-нибудь работает, а у нас – в Управлении. Майор Следственной части. До сих пор волосы дыбом встают, едва вспомню тогдашний аврал. Подключили не только УВД, не только армию – но и с Интерполом связались, несмотря на скрип кое-каких деятелей из министерства внешних сношений, на политику «духовной стены». И всё как в песок ушло. Витя даже по благословению батюшки ездил в Троепольскую лавру, к прозорливому старцу Артемию. Вернулся оттуда непривычно тихим, и никому ни слова. По уши погрузился в работу, высох весь и почернел. Противно, конечно, врать мужикам этим, но что уж тут поделаешь, это наша работа. Ложь, она порой бывает и святая.

– Ладно, Лёха, выпей, – нарушил молчание Никитич, протягивая мне наполненный до краёв стакан. – Чего уж там, а жидкость, она не помешает. Вот, огурчиком заешь, со своего огорода, не то, что у вас в столичных магазинах, хрен знает откуда. А у нас тут всё чистое, никаких тебе вредных производств, одна только лесопилка.

– А до Возмездия комбинат был, резину делали, – вставил своё слово Мишаня. – Вонь, знаешь, стояла отвратительная, а зимой снег вообще не поймёшь какой – то ли серый, то ли бурый…

– Дети болели, – добавил Сёма.

– В общем, что закрыли, хорошо, – подытожил Никитич. – За то Возмездию спасибо. Жизнь, конечно, Лёха, штука сложная, но порой у нас и толковые вещи делают. Чище стало. Да и деньги, что на комбинат шли, городу пригодились. Обустроили кое-что.

– Ты, Федя, ерундишь чего-то, – хмыкнул Сёма. – Деньги на комбинат, деньги на комбинат… А что прибыль от комбината тю-тю, про это забыл? Он же, комбинат, какой-никакой, а доход давал. И насчёт обустройства, это ты загнул. Чего обустроили-то? Дороги разбитые, так? Грузовики каждую осень да весну тракторами волочём, забыл? Буфет на вокзале всё не откроют, канализация течёт, мать их в левую ноздрю. Ту же гостиницу не отремонтируют никак…

– Зато храм обновили, – чуть обиженно отозвался Никитич.

– Насчёт храма спорить не буду, действительно, покрасили. А монастырь как был в развалинах, так ведь и остался.

– Это верно, – кивнул Мишаня. – Всенародная стройка, тоже туда же. Каждое лето нагонят студентов с лопатами – и радости по это самое место. А чего они с лопатами наработают? Здесь техника нужна, материалы, а это же всё деньги, деньги…

– Храм я видел, – вклинился в разговор и я. Меня понемногу начинало развозить, всё-таки жара, да и огурец, по правде говоря, не закуска, а так, баловство, но пока что я ещё держался. – Это там, на площади, да? – махнул я рукой в сторону. – Ничего, красивый храм. Лёгкий такой, будто воздушный.

– Нравится? – просиял Никитич. – Петропавловский наш… А я ведь там десять лет ночным сторожем отработал. Всё на моих глазах, каждую тютельку там знаю… А сейчас вот на пенсии, уже второй год. Язва, понимаешь, заела, отдыхаю вот, лечусь.

«Водкой?! – чуть было не вслух поразился я. – Какой доктор тебе такое посоветовал? Годик-другой – и паталогоанатом покажет твою печень усердным студентам в белых халатах. Впрочем, в этой глуши нет студентов. Но сие тебя не извиняет, дядя Федя!»

– Ну, я, понятно, без дела не сижу, – Никитич продолжал между тем делиться подробностями биографии. – Плотничаю помаленьку, есть тут у нас артелька. Дачники, ты понимаешь, строятся, и вообще.

– А храм, он какого века? – мне захотелось увести Никитича от плотницких мемуаров. А то разговор мог коснуться и моей шабашки, о которой я, выходит, присочинил зря. На деле-то я толком и топора в руках держать не умею. Не дай Бог засвечусь.

– Да вроде семнадцатого, говорят. Хотя что там от того века осталось? Сколько же ремонтов было, переделок всяких… Его ж взрывали ещё в тридцатые, сапёры, говорят, приехали, фугасы заложили, шандарахнуло так, что стёкла за километр посыпались, а храм устоял. Купол, правда, разворотило, кирпичи, понятное дело, посыпались, перекрытия опять же… Но всё-таки устоял. Овощную базу в нём потом затеяли, да ненадолго. Сгорела через год. И знаешь, – доверительно наклонился ко мне Никитич, – старики рассказывают, само заполыхало, без каких причин. Эти-то, начальство, конечно, потом на проводку валили, а проводки там и вовсе не было, и вообще – чему там гореть? Гнилой картошке? Ну, и снова церковь устояла, стены подкоптились, а так ничего. Да… А открыли её уже после войны, батюшка приехал из Заозёрска, отец Геннадий, так своими руками всё делал. Ну, потом народ, конечно, стал помогать, в общем, в шестидесятые уже такой вид был, как сейчас. Я-то помню отлично, как раз из армии тогда вернулся, погулял, как положено, потом на лесопилку тут устроился. Тогда хорошо платили на лесопилке, между прочим.

Я молча кивнул. Повело мужика, сейчас он, видимо, всю жизнь свою расскажет, впрочем, это и так было ясно. Меня гораздо больше волновало другое – не сломается ли он раньше, чем разберёмся на тему ночлега? На гостеприимство обременённых семьями Сёмы и Мишани я, понятное дело, не рассчитывал.

А вечер меж тем тихо брал своё. Жара вроде бы и не схлынула, но солнце уже зацепило краем изломанную линию горизонта, прозрачнее стал воздух, удлинились чёрно-сизые тени, а в кустах то и дело слышались какие-то деловитые, явно животного происхождения, шорохи. Или это у меня от выпитого?

Никитич всё болтал и болтал, а я, не вслушиваясь в его басовитый говорок, сидел, прислонясь к своей объёмистой сумке. Надо было, конечно, порыться в ней, внести свой вклад в общий стол, но кроме двух варёных яиц, копчёной колбасы да начинающего подсыхать батона у меня ничего не имелось. Да и колбаса была припасом стратегическим, я надеялся на здешние магазины. Тётя Варя писала, чтобы никаких продуктов я не брал, там у них с дедом Владимиром классическое натуральное хозяйство. Как бы они по случаю моего приезда, не

дожидаясь осени, поросёнка не вздумали резать. Ведь мне же резать и придётся, а я этого не люблю. Но кому ещё? Дед старый, слабый, приглашать соседского мужика – позориться…

Зато порадую старушку платком. Индийское производство, в их глухомани такого, наверное, ещё с плутократических времён не видали, да и у нас, хоть и в Столице, а тоже пять талонов на отдел, мне ещё повезло – вытянул. Что же касается деда, я вёз ему набор курительных трубок. Не высший свет, конечно, но будет доволен. Не всё же ему самокрутки палить. Мне, правда, нелегко уловить разницу, курить так и не пробовал никогда, в интернате на меня косились как на придурочного. Но так уж Господь дал.

Однако! Окружающий мир понемногу начинал крутиться вокруг невидимой оси, лёгкие волны тепла пробегали по моему лбу, предметы теряли отчётливость. Если и дальше так пойдёт, как бы не сломаться раньше дяди Феди. Он-то, по всему видать, боец опытный, со мной не сравнить. Тем более, что по правде я совсем даже и не боец. Не принимает организм – и всё тут. Ребята – сперва в Училище, потом уж и в Управлении – те сперва хмыкали да подначивали, а после смирились с такой странностью.

– Вот, я и говорю, – продолжал благодушно Никитич, – ты, Людка, уже двоих сорванцов соорудила, а всё как маленькая. Ну почему я должен об ней хлопотать? У тебя, доча, мужик вроде как имеется? Вот пускай он и выбивает. А папка что? Папка уже на пенсии, между прочим, у него и сердце, радикулит, и…

Чем ещё наградили годы Никитича, я услышать не успел. Звон стекла бесцеремонно оборвал его сетования. Прилетевший с пустыря по крутой дуге мяч врезался прямо в центр нашего импровизированного стола. Недопитая бутылка покатилась к кустам, по пути громко стукаясь об обломки кирпича. Стопочкам повезло меньше – две выжили, но третью раздавило. Расплющился и мой бумажный стаканчик, но, впрочем, что ему сделается?

А закуска не слишком пострадала. Сало к этому моменту было почти дожёвано, помидоров тоже не осталось, а хлеб и огурцы Никитич, грязно ругаясь, собирал в пыльной траве.

– Ах, поганцы, – мотнул он головой. – Весь отдых испортили. Ну, мы им сейчас…

Оттуда, с дальнего конца пустыря, доносились крикливые детские голоса, юные футболисты отчаянно спорили. По всей видимости, решали, кому идти за пленённым мячом.

– Это ж надо, а! – грустно высказался Мишаня. – Люди, значит, сидят, культурно беседуют… А там, между прочим, ещё где-то с полстакана оставалось.

– Во молодёжь пошла, – вставил очнувшийся от пьяных грёз Сёма. – Всё им по фигу, что люди рядом – до фонаря.

– Ладно, что разнылись? – обернулся к нам ползающий в траве Никитич. – Вот, все огурчики целы, и хлеб разве что запылился, ну да ладно, оботрём, мы не лорды. Главное, запасы-то целы, – похлопал он себя по прозвеневшим карманам. – Сейчас возобновим…

Но пришлось повременить.

– Простите, я это… Можно мячик забрать? – раздался хрипловатый мальчишеский голос.

Мы, все четверо, обернулись. В нескольких шагах от нас торчал невысокий пацан лет этак тринадцати-четырнадцати, белобрысый и, как показалось мне в лучах утопающего солнца, загоревший до густой коричневости. Застиранная футболка в нескольких местах была заляпана ягодным соком, а некогда белые брезентовые шорты – измазаны кирпичной крошкой и рыжеватой глиной.

Его чуть пухловатые губы кривились в нерешительной улыбке, а в глазах легко читалась тревога – он, разумеется, оценил масштаб разрушений.

– Значит, мячик тебе, говоришь, – не спеша протянул Никитич, похлопывая ладонью по ребристой поверхности мяча. – Вы, обормоты, значит, будете людям культурный отдых нарушать, а вам за то мячики подавай? Нет, сынок, не всё так просто. Вас учить и учить

надо, сопляков, – Никитич встал и подался вбок, намереваясь вырвать подходящий стебель крапивы. Мальчишка с ходу просёк его план и резво отпрыгнул на безопасное расстояние.

– А я тут при чём? – обиженно пояснил он. – Это Вовка пасовать не умеет, он сюда и залупил. Меня-то за что?

– Да уж найдётся за что, – ехидно предположил Никитич. – Мячик-то, между прочим, чей?

– Ну, мой мячик, – уныло признался пацан.

– Твой, стало быть… – усмехнулся Никитич. – Значит, пускай мама за ним приходит. С ней и будем разбираться на предмет порчи имущества…

– Так не я же пасовал! – вновь огрызнулся мальчишка и на всякий случай отошёл ещё подальше.

– Ты, не ты – разницы не вижу. Главное что? Мячик твой, тебе и отвечать…

Похоже, Никитич обрёл благодатную тему для словесных излияний и мог так препираться до бесконечности. Вернее, пока не отрубится.

Я решил закрыть этот базар.

– Да ладно тебе, Фёдор Никитич, чего расшумелся? Сам же говорил, стратегические запасы не пострадали. А стакан… Это ж к счастью, разве не так? Будет тебе с пацаном вязаться, сам, что ли, таким не был?

Я приподнялся и, стараясь держать равновесие, подошёл к сидящему в обнимку с мячом сторожу.

– Дай-ка сюда, дядя Федя, – ласково протянул я, и взяв у ошарашенного моим напором Никитича мяч, быстрым движением зафутболил его в сторону пустыря. Надо же, остались ещё навыки.

– Беги, пацан, лови свою судьбу, – посоветовал я мальчишке. – И смотри, в другой раз не попадайся, огребёшь.

Паренька не пришлось долго упрашивать. Ввинтившись в тёплый синеватый воздух, он умчался вдогонку за спасённым мячом.

Никитич неодобрительно посмотрел ему вслед.

– Чего же это ты, Лёха, озорству потакаешь? – хмуро осведомился он, расправляя примятую газету-скатерть. – С хулиганьём по-мягкому нельзя, совсем сладу не станет. Ты вот ладно, молодой, а я двух сыновей да дочку вырастил, разбираюсь как-никак.

– Да и с мамани его за мячик можно было бы на бутылку поиметь, – добавил доселе философски взиравший Мишаня. – Это же Веркин сорванец, с Заполынной, я знаю. У Верки всегда есть в загашнике, а раз такое дело…

Мишаня долго бы ещё предавался пустым мечтам, кабы Никитич не раскупорил очередной пузырь.

– Жалко стопочку, – хмыкнул он, разливая водку в уцелевшую тару, – ну да ничего. Мы с дядей Сёмой по очереди. За что пьём?

– За детей, – глубокомысленно изрёк Сёма, указывая глазами на пустырь, откуда вновь доносился футбольный визг. – За наше светлое будущее.

Как я был ни пьян, а всё же заметил, каким неслабым тычком угостил Сёму Фёдор Никитич. И не сразу до меня дошло. Тактичен дядя Федя, тактичен и деликатен. Вовремя заткнул Сёмин фонтан. Ещё бы, у гостя такое горе, а этот своими тостами лишь растравляет.

Между прочим, плохо. Не держу легенду, выпадаю из образа. Мне бы вздрогнуть полагалось, побледнеть и отвернуться. Скорбящий отец, то се. А что, интересно, вместо этого отпечаталось на моей пьяной роже? Нет, пить нельзя, да ещё в жару, да ещё и без ма-а-ленькой таблеточки – незаметным движением из рукава в стаканчик. Увы, я не на занятиях в Училище, вопрос о зачёте не стоит, да и рубашка у меня с короткими рукавами, и та обвязана вокруг пояса. Ну, и последняя малость – не захватил таблеточек. Нет, до настоящих профес-

сионалов, вот как например, Ваня или хотя бы Петрович, мне ещё хлебать киселя и хлебать. И хорошо если киселя…

– Да ты чего, Лёха, не пьёшь? – участливо пододвинул мне стаканчик Никитич. – Мы уже вздрогнули, а ты чего грустишь?

– Да-да, дядя Федя, я сейчас! – пришлось и мне хлопнуть очередную дозу местной отравы. Ох и гадко она пошла, замутило меня, закололо изнутри, даже слёзы в глазах обозначились.

– Давай-ка огурцом заешь, – подал мне Мишаня малосольный плод. – Слушай, – озабоченно повернулся он к Никитичу, – этому больше не наливай. Не удержит. А с виду вроде крепкий парнишка…

– Да ты чего, дядя Сёма, – сколь мог старательно изобразил я возмущение простого работяги. – Да я ещё столько же…

– Ладно, Лёха, можешь, верю, – похлопал меня по плечу Никитич. – Но не надо. Жара, такие дела, с поезду, с устатку. Посиди вон пока, ветерком сейчас тебя обдует, и всё пойдёт путём.

Что именно из меня пойдёт и каким путём, Никитич деликатно не уточнил.

– Вот, ещё, может, огурец ему? – Мишаня вновь сунулся ко мне с огурцом. – Хороший огурчик, монастырский сорт, между прочим.

– Да, у монахов хозяйство раньше было налажено, – охотно подтвердил Никитич. – Да и сейчас колупаются, только мало их – отец-игумен да ещё трое стариков. Два человека послушников. Не идёт, понимаешь, к ним молодёжь. Монастырёк мелкий, бедный, чудесами не прославлен… До сих пор толком ремонта не сделать, тут ведь деньги нужны, и большие, а кто ж даст, мы – провинция… Студентов вот летом гоняют, а что с них толку? Туда не лопатой с ломом, там бульдозер нужен, опять же цемент, кирпич, да ещё прораба грамотного. А эти ребятишки и не умеют ни хрена, разве что водку жрать да по девкам. Тебя почему на ночлег-то никто не брал, – доверительно наклонился ко мне Никитич, – за студента приняли. А с ихним братом у наших-то мужиков разговор простой – дрыном да по кумполу. Так что тебе ещё повезло, можно сказать.

Я не стал уточнять, кому действительно повезло – незачем выбиваться из легенды. Где уж бедному радиомонтажнику отмахаться от мужиков с дубьём? Лучше держать варежку закрытой. Тем более, сейчас – наговоришь чего по пьяни, потом расхлёбывай.

– А монастырь, между прочим, старинный, – продолжал Никитич. – Эти-то, каменные стены, они позапрошлого века, а раньше тут деревянный скит был, говорят, первые отшельники сюда ещё до Вторжения пришли… Ну, говорят, конечно, всякое, не знаю… В прошлом году владыка Варсонофий приезжал, молебен в развалинах отслужил. Может, и выделят из Центра средства…

– Дожидайся, – хмыкнул Сёма. – Ты, Фёдор, после второй бутылки что-то быстро глупеешь. Есть у тебя такая черта, уж не злись, я правду говорю. Ты вон талдычишь – средства выделят, а на кой хрен их выделять? Народу у нас в городишке кот наплакал, приход еле дышит, а тут ещё монастырь… Кто ходить будет? К нам же богомольцы со всех краёв не потянутся, рылом не вышли. Будь тут чудотворная икона, или мощи какие, тогда бы ещё… А так…

– А что так? – тут же вскинулся Никитич. – У нас, может, не как в столицах, но и свои мученики были, и исповедники… Да хотя бы отца Петра вспомни.

– Ну, это конечно, – неожиданно легко согласился Сёма. – Насчёт отца Петра спорить не буду. Только опять же – разговоры одни, доказательств нету.

– А кто он, отец Пётр? – спросил я, сопротивляясь нахлынувшей тошноте. Кажется, голос мой звучал более-менее связно, хотя я чувствовал, – ещё немного и отброшу копыта.

– Ну конечно, – покивал Никитич, – откуда вам в Столице про него слышать? А отец Пётр, это такой батюшка, знаешь… Такой батюшка… Он сам иеромонах, в храме нашем служил настоятелем. Ещё в начале того века, до красного переворота. Говорят, семья его от болезни какой-то вся вымерла, ну, он и принял после этого постриг. Служил, значит, в храме, и жил при нём же, в каморке. Дом для причта большой был, так ему квартира полагалась во весь первый этаж, как настоятелю, а он отказался. Мне, говорил, в каморке спокойнее. Народу к нему ходило… И из дальних деревень, и даже из Заозёрска ездили. И всех умел утешить, в беды вникал. Ну вот, а после переворота местный Совет храм закрыл, а потом и вовсе начали утварь грабить, так он, отец Пётр, на колокольню полез, набат стал бить, народу, говорят, к храму набежало… В общем, не дал растащить. Ну а на следующий день за ним солдаты. Бумажку зачитали, контрреволюция, одним словом, сопротивление народной власти, организация мятежа. В общем, говорят, батя, собирайся на тот свет. А отец Пётр им спокойно так отвечает – чего собираться, я уже готов. Помолился молча, народ благословил, и увели его. Ты вон, когда подъезжал к городу, мост видел? Мост высоченный, через овраг, там на дне речушка мелкая, Вихлица, можно сказать, ручей. Это ещё тогдашней постройки, до переворота. Видишь, по сию пору стоит, и хоть бы что. Умели же строить… Ну вот, вывели его на мост, и даже стрелять не стали. Пожалели патрона. Взяли, значит, за руки да за ноги, раскачали – и сбросили. А там же высота метров пятьдесят будет, и камни внизу. Посмеялись они, покурили – ну, и пошли вниз, тело подбирать. Смотрят – а тела-то и нету. Обшарили там всё, до ночи возились – без толку. Пропал отец Пётр. Как в воздухе растаял. Поначалу думали, кто-то из прихожан спрятал, обыски были по домам, да ничего не нашли. Да и вряд ли, не успели бы утащить. В общем, так и не отыскали. Упасть-то упал, а до земли, выходит, не долетел.

А с тех пор, говорят, он людям иногда является. И во сне, и даже так… Наяву. То есть вроде бы он и не умер, а ходит невидимо по земле, помогает. Даже вот мою мать возьми, с ней на фабрике женщина работала, так когда у той мужа посадили, она к стенам монастырским пришла, поплакала, а после тихо так шепнула – отец Пётр, если слышишь меня, если можешь – выручи. И вдруг чувствует – чья-то рука её по волосам гладит. Вскинулась она – а перед ней он сам и стоит, отец Пётр, в пыльном подряснике, с посохом. Уповай, говорит, на Господа, Елена. Господь милосерд. Сказал и пошёл прочь, за угол завернул – и пропал. Она-то, Елена Ивановна, следом кинулась – а за углом уже никого. Хотя местность там такая, что не скроешься никуда. Вот. А через неделю она с работы приходит – а дома её ждёт муж. Разобрались, выпустили. И такое тогда бывало.

– Всё это, конечно, так, – упрямо вклинился в разговор Сёма, – до только где они, эти люди, что отца Петра видали? Кто помер уже, кто последние годы доживает. Ведь почти сто лет прошло. Мы-то здесь, в Барсове, может, и знаем про него, а поди кому в епархии докажи? Прямых свидетелей нет, могилы нет, мощей нет…

– Да, крючкотворов у нас что клопов развелось, – с трудом выдавил я из перекрученного тошнотой горла. Нет, одно мне спасение – ближние кустики.

Как я до них добирался – это отдельная баллада. Ноги превратились в какое-то подобие резиновых шлангов, к шее, казалось, привязали двухпудовую гирю, пространство перед глазами вытягивалось в тёмную трубу, и сколько я ни ковылял до спасительной бузины, она упорно не хотела приближаться. Зато кожей спины ловил я на себе чей-то не по-хорошему заинтересованный взгляд.

А когда я всё же дополз, и извергнул внутреннее своё содержание, что-то вдруг случилось, вспыхнул в голове лиловый огонь, земля ударила меня по ногам, воздух всколыхнулся и всё вокруг забурлило, точно утекающая в тёмную воронку раковины вода. Последнее, что я запомнил – это как озабоченно матерясь, куда-то меня волокли. Кто, куда, зачем – какая

разница, если так или иначе всех поглотит исполинский водоворот? Вот я уже у горловины, вот пискнула разодранная пополам секунда – и не стало ничего.

Глава 2. Если не мало

Солнца не было – тяжёлые, свинцовой масти облака затянули небо, и мне казалось, будто всё вокруг – и мы с нашим «Гепардом», и шоссе, и ощетинившийся лес – покрыто огромным стальным куполом, как в планетарии. И какая-то скрытая машина управляет им, крутится программа, и ничего уже не изменить, всё будет так, как случалось сотни раз, и казалось бы, пора привыкнуть, но привыкнуть у меня не получалось, наоборот – с каждой минутой становилось ещё страшнее. Я понимал, ждать осталось недолго, скоро *оно* ударит, но не знал, что именно. Нет, вру – на самом деле я знал, но знание это было столь невозможным, такая кипела в нём мгла, что я прятался от него, строил в мозгу баррикады из привычных слов и воспоминаний, хотя и чуял – все мои потуги бесполезны, то, что сейчас будет, не отодвинешь, это не корзина, что на каждом повороте лупит меня по коленке, прямо по заплате на стареньких джинсах, мама заставила их надеть, хотя я брыкался, они тесные и мышино-серые, уж лучше бы я в школьные брюки влез (форму отменили, и они оказались вроде как ненужные). Но маму разве переспоришь?

Мне ужасно хотелось вмешаться в их с отцом разговор, попросить… Я сам не знал о чём. Остановить машину? Повернуть назад? Да разве они меня послушают? С какой стати? Сам же рвался по грибы, скажут, сам просил, чтобы тебя разбудили в половину пятого, что за бзики? Если бы я мог им сказать, что случится… И ничего другого не оставалось, как молчать и глядеть в окошко, на неподвижные, в жёлтых подпалинах облака, наливающиеся непонятной силой, готовые обрушить на землю потоки рыжего, мохнатого пламени.

И вот *это* случилось. Со злым треском, как от раздираемой пополам рубашки, рассыпалось небо, ударило слепящим взрывом, мелькнули чёрные, извивающиеся корни поваленной сосны, горизонт вздыбился и спустя мгновенье с натужным всхлипом осел, огненная волна подхватила меня и швырнула навстречу пригнувшимся ёлкам, я протискивался между ними, размазывал по щекам едкие слёзы, и понимал, что не могу оглянуться.

Там, за моей спиной, на шоссе, буйствовал рыжий факел, там была мама, но не только броситься к ней, в объятия гудящего пламени, но и головы повернуть не удавалось. Какой-то гиблый ветер тащил меня вперёд, по лесу, сопротивляться ему было невозможно, оставалось лишь перебирать ногами да уворачиваться от готовых вцепиться в меня веток.

Потом я понял, что ветер – на самом деле не ветер, а голос, выталкивающий из чьей-то слюнявой пасти слова:

– Держи чухана! Сейчас мы его… Да справа же, придурок, заходи!

Васька Голошубов устраивал охоту по всем правилам искусства, рано или поздно он меня отловит, но сейчас я ещё способен был бежать – и рвался сквозь притихший лес, раздирал куртку и джинсы о колючие ветки, спотыкался на вывернувшихся из-под упругой хвои корнях – и чем дальше, тем тише становился прокуренный Васькин голос, вот он уже не сильнее комариного звона, вот его уже нет…

Но я тем не менее бежал, задыхаясь, сжимая пальцы в кулаки до побелевших костяшек, кололо в левом боку, и приклад автомата то и дело норовил влепить мне по бедру, я сорвал его, тем более, что скоро, наверное, придётся стрелять, вот уже и просвет засинел меж ёлок, я из последних сил рванулся туда – и вылетел на залитую полуденным солнцем железнодорожную колею.

Было тихо. Удивительно тихо, умиротворённо. Лишь кузнечики прилежно стрекотали в густой, посеревшей от зноя траве, да еле слышно гудели провода.

Оправляя сбившуюся камуфляжку, я пытался вспомнить, от кого же так гнал по лесу… Или за кем… Что-то маячило за спиной, тягостно-непонятное, странное. Ладно, во всяком

случае, автомат можно закинуть за спину. Стрелять курсанту Бурьянову в ближайшее время не придётся. Не в кого. Безмятежно здесь и пусто.

Пусто?

А как же тогда *это*?

Она лежала в трёх шагах, уставившись в небо пустыми, оловянными пуговицами глаз. Чёрная, с каким-то даже синеватым отливом шерсть свалялась грязными клочьями, острые треугольники ушей обвисли, точно от жары, но я знал, что жара тут ни при чём, и не от жажды раскрыта гнилая пасть, откуда бурой лентой выползает страшный, распухший язык, упираясь с обеих сторон в слюняво-жёлтые клыки.

Голова, несомненно, была отрезана. Не отрублена, не оторвана, а именно отрезана – трудились долго, время от времени обтирая от крови длинный и узкий кремнёвый нож, под медленно струящуюся из магнитофона тёмную мелодию. Кровь, надо полагать, стекала в подставленный тазик, часом позже её используют всю, до последней капли, пойдёт на Эликсир…

Видно, голова валялась тут уже давно, дня три, не меньше. Только сейчас я ощутил удушливый смрад, волнами исходящий от того, что осталось от собаки. Когда-то *это* было доберманом.

В общем, мне не впервой такое видеть. Почерк Рыцарей Тьмы всюду одинаков, и, как наставительно говорит Куратор, пора бы привыкнуть. Проза нашей незаметной работы – вонючая, тупо глядящая из ромашек безжизненными глазами.

И тем не менее что-то здесь было не так. Жизни в голове давно не осталось, но я чуял – передо мной нечто большее, чем разлагающийся кусок мяса. Не жизнь, но какая-то странная дымка вилась вокруг неё, смутное, едва уловимое *присутствие*.

Я инстинктивно отступил на шаг и потянул с плеча автомат. Хотя толку с того… Рыцарей здесь уже и след простыл, они сейчас в городе, ездят в автобусах, сидят в конторах, выстаивают очередь за пивом. А здесь – в траве и цветочках мёртвая голова, неутомимые мухи облепили вздувшийся язык, ползают в ноздрях, и гудят, гудят, словно соревнуются с линией электропередачи.

Солнце равнодушно поливало землю июльским жаром, ему не было никакого дела ни до замученной собаки, ни до Рыцарей, ни до растерянного курсанта в потном камуфляже, сжимающего совершенно бесполезный здесь автомат. И я, этот самый незадачливый курсант, обманутый солнечным спокойствием, даже не сразу понял, что случилось. А потом меня как током долбануло.

Собачья голова резко дёрнулась, повернула в мою сторону гнойно-жёлтые глаза, острые иглы-зрачки уставились мне в лицо. Пасть медленно закрылась, потом раззявилась снова, послышалось нехорошее бульканье, и тут я осознал, что оттуда, из тёмной гнилой дыры, доносятся слова. Тяжёлые, странные слова, я слышал их, они были знакомы, но я ничего не мог разобрать, мышцы все одеревянели, ноги сделались ватными, я сам не понимал, почему до сих пор удерживаю равновесие, почему не завалился носом в горячую траву, и мысли все куда-то делись, в мозгах было пусто, и только часто-частно билась на виске тоненькая упрямая жилка.

А потом я вдруг сразу, безо всякого перехода понял, что за слова выдавливаются из чёрной пасти.

– Если не мало, то всё. Если не мало, то всё. Если не мало…

…Прочь, куда угодно, но только не здесь, не рядом с шевелящимся куском того, что раньше было собакой, а теперь стало… Нет, я даже мысленно не мог произнести это слово, хотя и знал его.

Резкая волна подхватила меня, на мгновенье дёрнулся горизонт, солнце расплылось мрачным, в полнеба, рыжим костром, а я вдруг оказался на рельсах, в сотне шагов от той

головы, а навстречу, с юга, уже надвигалась гремящая электричка, приближалась короткая, сизо-чёрная полоска тени.

Солнце – уже не расплескавшееся по небу гудящее пламя, а привычное, маленькое – слепило глаза, но не было и мысли отвернуться, а грохот нарастал, ещё секунды две, и станет поздно, но сдвинуться с места я не мог. Точнее, мог, но знал, что останусь, потому что не хочу, не хочу, не хочу туда, и даже смотреть в ту сторону немыслимо, и незачем на что-то решаться, да и поздно, солнце бьёт в глаза – а теперь уже не бьёт, тень электрички надвинулась на меня, накрыла лёгким чёрным одеялом.

И не стало ничего.

Глава 3. Мир не без добрых людей

Что-то осторожно коснулось моей щеки, пробежало по ней лёгкими лапками. Таракан, – брезгливо подумал я, с трудом отворачиваясь к стене. Раздавить рыжую пакость сейчас было выше моих сил. И без того в голове дубовая тяжесть, и ноет желудок, словно кто-то медленно наматывает мои кишки на тонкую барабанную палочку.

Я разлепил глаза – и в них тотчас вонзились лимонно-жёлтые солнечные лучи. Точно молодые бамбуковые стебли, сильные и острые. Похоже, светило поднялось довольно высоко. Сколько же сейчас времени? Уставившись на циферблат наручных часов, я обнаружил лишь то обстоятельство, что стрелки намертво застыли на половине второго. И неудивительно, где уж мне вчера было подкрутить завод. Вот это и называется – профессионализм.

…Я обнаружил себя на продавленном скрипучем диване, лёгкое одеяло, которым кто-то меня заботливо укрыл, неправильной кляксой раскинулось сейчас на некрашеном дощатом полу. Мы с диваном находились на небольшой застеклённой веранде, и ещё тут имелись два крутобоких шкафчика, прислонённая к стене раскладушка, круглый стол на трёх уцелевших ногах (урезанная четвёртая скорбно опиралась на бурый кирпичный обломок). Стол был застелен газетой, и судя по её нездоровой желтизне – газетой весьма древней, быть может, ещё плутократических времён.

А в дальнем углу веранды громоздилась газовая плита, и в данный момент вскипал на ней пузатый чайник, и жарилось нечто шипящее. Вероятно, яичница.

Возле плиты суетился Никитич.

– Что, проснулся? – ласково кивнул он. – Это правильно. Это давно пора. Ну, и как самочувствие?

Судя по бодрому виду Никитича, сам он находился в полнейшей гармонии со Вселенной. Вечернее возлияние старику было что слону дробинка. Загорелое лицо его выражало спокойную уверенность в том, что веселье наше питие есть.

– С добрым утром, Фёдор Никитич, – откашлявшись, хрипло сообщил я. – Самочувствие более-менее.

– Это и видно, – живо согласился Никитич. – Вы там в Столице, как я погляжу, оторвались от народных корней. Ты же, Лёха, вчера и бутылки внутрь не принял, а развезло тебя как с банки трёхлитровой. Или теперь молодежь такая слабая пошла? Хотя по нашим Барсовским вроде и не скажешь…

– Так жара же обалденная, – вяло бормотнул я дежурное оправдание. Почему-то не хотелось мне выглядеть в глазах отставного сторожа слабаком.

– А что жара? Вся наша жизнь – жара, – нараспев произнёс Никитич, снимая сковородку с огня. – Ладно, не бери в голову. Подрастёшь, научишься. Давай-ка лучше перекусим.

Неожиданно меня посетили суетные мысли, и провидец-Никитич сходу уловил их:

– Да здесь, здесь твоё хозяйство, – кивком показал он на сумку. – Вон на подоконнике торчит. Всё, как говорится, в целости. Ты пока на двор сходи, там у нас рукомойник, и вообще…

Что касается *вообще*, Никитич попал в десятку. Это было сейчас весьма кстати, и я немедленно последовал его совету.

Выйдя из обшарпанной будочки в конце участка, я отдался увлекательному процессу созерцания.

А поглядеть было на что. Утро стояло чудесное. Скоро оно сменится скучным зноем, задымит на улицах асфальт, задрожит, заструится прокалённый бешеными лучами воздух. Но пока ещё зыбкая свежесть не успела растаять, и ветерок едва заметно шевелил листву старых берёз, пятна солнечного света переливались на голубоватых досках крыльца – точно

стая мелких рыбёшек резвилась в кристально чистой речной воде. Возле забора подмигивала красноватыми глазками сочная, спелая малина, картофельные заросли в огороде казались микромоделью тропических джунглей. И деловито жужжа, сновали повсюду пчёлы – опыляли, опыляли…

Сзади подошёл ко мне большой кудлатый пёс – явно дворянских кровей, поглядел вопросительно, мол, кто это такой пробрался на охраняемую территорию? Потом неожиданно ткнулся мне тёплой влажной мордой в ладонь. Признал.

– Тихо, Волчок, – выглянул из окна Никитич. – Свой это, свой! Ты не бойся, – кивнул он мне, – животина у меня смирная, не цапнет.

– Да мы уже вроде нашли контакт, – хохотнул я и потрепал Волчка за ухом. Тот благодарно заворчал, напрашиваясь на дальнейшие ласки.

Обещанный рукомойник обнаружился здесь же, возле крыльца, и вскоре, по-медвежьи урча от удовольствия, я обливал себя до пояса необыкновенно холодной (видимо, только что из колодца) водой.

– Ты особо не увлекайся, – позвал меня с крыльца Никитич. – Яичница стынет.

Посреди колченогого стола, поставленная на спиленный берёзовый кругляш, красовалась шипящая лесным котом сковородка. Яичница в ней фырчала, пузырилась и вовсе не думала остывать. Там же, на старой газете, обнаружилось блюдце с порезанными солёными огурцами, тарелка с малость зачерствевшими ломтями ноздреватого серого хлеба, и, конечно, початая бутылка с прозрачной жидкостью.

Мы перекрестились на темневший под потолком образ Богородицы, Никитич, на правах хозяина, прочитал скороговоркой молитву, и завтрак начался.

Перво-наперво старик распределил содержимое бутылки, причём мой стакан оказался наполнен едва ли на треть.

– А больше тебе сейчас и не надо, – пояснил он. – Это для приведения себя в порядок, иначе развезёт. Ну, а мне, как понимаешь, иная доза положена. Ладно, давай за встречу.

– Про яичницу не забывай, – напомнил Никитич. – Прямо со сковородки бери. У вас, в Столице, может, с тарелок лопать привыкли, а у нас всё по-простому.

– Да и у нас так же, – дипломатично усмехнулся я.

– Ну ладно, Лёха, такой, значит, расклад, – переключился Никитич на куда более интересную тему. – Старуха моя, Марья Филипповна, сейчас в Замохове, у старшего сына гостит, у Володьки. До августа там просидит. Внуки, сам понимаешь, и по хозяйству помочь, как же без этого, вы же, молодые, грязью зарастёте, если не следить. Так что поживи у меня. Много с тебя не запрошу, по пятёрке в день устроит?

– Нет проблем, – кивнул я. – Я и больше мог бы.

– Больше не надо, – отмахнулся Никитич. – Ты же не этот… не дачник. Свой, можно сказать, парнишка. А что заплатишь, всё на культурный отдых пойдёт, – хитро подмигнул он. – Старуха далеко, так что некому меня пасти. Дальше, значит, дела такие. Я, как ты помнишь, плотничаю помаленьку, у нас тут бригада небольшая собралась, строятся же люди, и им хорошо, и нам доход. Ну, и домой я лишь к вечеру прихожу. Ключ под ковриком у крыльца лежит, не забудь. Удобства где, видел. Колодец на улице, как выйдешь, направо до кирпичного дома. Вёдра на задней терраске. Такой вот курс молодого бойца. Когда, говоришь, уезжать тебе надо?

– В понедельник с утра.

– Ну, парень молодой, найдёшь, чем себя занять, – кивнул Никитич. – У нас городок не больно интересный, но всё же… Места живописные, монастырь посмотришь… В парк сходи, там у нас цивилизовано, кафе, мороженное, пляж опять-таки. Прошлым летом Володька приезжал, обоих внуков привёз, так их оттуда, с пляжа, за уши утянуть не

могли… – Никитич пожевал губами, хмыкнул, и надолго замолчал. Потом, видно, решившись на что-то, хмуро произнёс:

– Ты извини, если что не так, но… В общем, твои обстоятельства я помню. И знаешь, вон чего скажу. Старичок твой прозорливый, которого тебе наобещали, это, конечно, хорошо, но и здесь, в Барсове у нас тоже кое-чего сообразить можно. Дело, ты понимаешь, такое, молчком надо… В общем, имеется тут одна бабка… Я сам с ней и не знаком толком, но люди говорят… Она, видишь ли, не сама гадает, но сведёт с человеком, который умеет. Что-то ей, понятное дело, заплатишь, что-то этому… знахарю. Я, конечно, ни за что ручаться не могу, но попробуй, хуже не будет…

Пришлось сделать солидную паузу.

– Это хорошо, да хватит ли денег на моего старичка, если тут не выгорит? – наконец протянул я. Однако, интересный получается коленкор. Никитич… Кто бы мог подумать… Благонамеренный дядечка, бывший церковный сторож… Ведь если официально посмотреть, статью он себе уже заработал. «Пособничество в осуществлении оккультной практики», триста вторая дробь «г», от трёх до пяти с конфискацией… И ведь знает, небось, старый хрен, знает про статью. Но меня пожалел, а ещё больше пятилетнего Саньку, сынишку моего… гипотетического. Рискнул. Ладно… Уж как-нибудь постараюсь его отмазать в рапорте. Если вообще придётся в это новое дело влезать. В конце концов, у меня есть своё задание, с ним бы справиться, а трудовой энтузиазм и инициатива по такой жаре сами собой издыхают.

– Про деньги не бойся, – утешил меня Никитич. – Там, говорят, правило такое – не выйдет если чего, деньги назад возвращают. С бабки, правда, обратно не сдерёшь, но ей-то как раз много и не дают, её дело лишь свести с человеком. Так что, думаю, не разоришься.

– Ну, спасибо, Фёдор Никитич, – произнёс я почти искренне. – Вдруг и в самом деле получится… Век не забуду.

– Да ладно тебе, – отмахнулся рукой бывший сторож. – Не о благодарностях тебе сейчас думать надо, а о мало́м своём, да о жене сдвинутой. Погоди, сейчас адрес бабкин тебе запишу.

Никитич пошарил на широкой, укреплённой в изголовье дивана полке, отыскал там огрызок карандаша и, оторвав край устилавшей стол газеты, принялся деловито царапать.

– Вот, – удовлетворённо сообщил он, протягивая мне клочок. – Тут и адрес, и нарисовано, как добраться. Ты, ясное дело, как придёшь к бабке, на меня не ссылайся. Скажешь, люди посоветовали. Да она и сама допытываться не станет. Знает – абы кто по такому делу к ней не придёт. Но на всякий случай бумажку после порви. Мало ли… У нас тут глушь, местная полиция ворон считает, но понимаешь, Управление глубоко бурит… Лучше дуром не подставляться.

– Это верно, – честно согласился я. – Спасибо, Фёдор Никитич.

– Ну всё, пора мне, – сейчас же засуетился дед. – Работа ждать не станет.

– Вместе выйдем, – кивнул я, натягивая мятую рубашку. – В самом деле, погуляю, посмотрю эти ваши достопримечательности.

Глава 4. О совпадениях

На улице Лейтенанта Глотова отыскал я очень удобную скамейку под раскидистым тополем. Все преимущества разом – и тень, и тишина, и малозаметно… Облокотившись об изрезанную десятками инициалов спинку, я немного посидел в расслаблении, выкинув из головы посторонние мысли. Хоть и пустячное, судя по всему, предстоит дело, но порядок есть порядок. Настройка необходима. На некоторое время надо расстаться с маской незадачливого радиомонтажника Лёхи и стать самим собой – поручиком Бурьяновым. А сему поручику предстоит разговор с одной милой старушкой, проживающей… – я перелистал записную книжку, – проживающей по адресу: Малая Аллея, дом четырнадцать.

Аллея, значит, да к тому ж ещё и малая. Ну-ну… Ведь слышал же я где-то от кого-то совсем недавно про эту Малую Аллею. Или видел… Но где?

Стоп! Кажется, уловил!

Я достал из кармана покрытый мелким почерком Никитича газетный обрывок. Есть! Малая Аллея, дом четырнадцать, Елена Кузьминична.

Интересно получается! Бабуся-источник и бабуся-посредник, выходит, одно и то же лицо? Тем более интересно на это лицо взглянуть. Похоже, дело выходит не столь уж пресным, как думалось мне в прокуренном столичном кабинете.

Оно ещё тогда показалось мне странным. Мелкая, рутинная работёнка, с которой вполне мог справиться местный райотдел – но почему-то сигнал доходит прямо до Столичного Управления. Может, местные сотруднички столь обленились в здешней глуши, что и почту не смотрят? Или… Или сигнал шёл не обычным путём? Но как? Уж не секретным ли кодом РТ-8? Чушь! В этой Тьмутаракани о нём, надо полагать, никто и не слышал. Уж во всяком случае, не бабка. Значит… Вот это уже интересно – следующее после бабки звено. Кому она доложила? А если доложила, получается, что здесь, в Барсове сидит внедрённый работник Столичного Главка? А чего ему тут делать? Тем более, людей у нас не хватает катастрофически, оно и понятно, ещё тогда, десять лет назад, Ватолин, легендарный Первый Смотритель, отказался от услуг бывших госбезовцев. Управление пришлось создавать практически с нуля. Людей без архиерейского благословения даже и не тестировали. Сейчас-то помягче, сейчас и Училище наше в год по триста лбов выплёскивает, и опыт какой-никакой образовался… Впрочем, те, первые годы я знаю лишь по рассказам своего мудрого начальника…

Ну что, пора от размышлений переходить к делу. А то еще утопает Кузьминична на какой-нибудь базар – и жди её полдня, жарься в невидимой духовке.

…Идти предстояло довольно далеко – во всяком случае, так выходило по дяди Фединой записке. Сперва до центра, потом через рынок – на Центральное шоссе, по нему до микрорайона Столбцы, а там уже и рукой подать до Малой Аллеи.

Вчера, во время вчерашнего блуждания по Барсовским улицам, я уже немного представлял план города…

Но жара… Нет, всё-таки я, согласно легенде, парнишка простой, почти что отдыхающий – а значит, рубашку долой, в сумку её, гадину, в сумку! И джинсы бы я скинул, но ведь бабки на лавочках шептаться станут. А лишний шёпот мне ни к чему.

Вот что хорошо было в этом городе – попадались местами ларьки с квасом. Странно, как я вчера их не приметил. Впрочем, наверное, к пяти их уже закрывают.

Путь до городского центра можно было бы измерять выпитыми стаканами. Иногда возникала у меня трезвая мысль – а ведь в городе с удобствами, небось, похуже, чем с ларь-

ками? Дикие кусты могут в нужную минуту и не возникнуть. Что тогда? Да, трезвость была права. Но жажда всё же пересиливала.

Центр оказался довольно тихим и пустынным местом. Уж на что домик Никитича стоял на отшибе, но даже и на тамошних улицах люди встречались не в пример чаще. А тут – вымерло население, точно динозавры. Лишь изредка пронесётся на велике лопоухий пацан, протопает куда-то бабка с неподъемного вида баулом, или пара-тройка помятых личностей не спеша проследует к магазину. А ведь суббота, между прочим, на работе никто не торчит. По огородам, что ли, расползлись? Воду на своём горбу таскают, бедолаги.

Я их очень даже неплохо понимал. В такую пору пропустишь полив – и прощай овощи-фрукты. Ушла любовь, увяли помидоры.

Вот и приземистое, вросшее в землю корнями здание городской управы. Чёрно-жёлтый флаг обвис на штыре унылой тряпкой, вот тебе и «Взвейся, державное знамя…» Тёмные прямоугольники окон подслеповато уставились на меня, словно недоумевая – чего этот малый сюда припёрся? По какой такой казённой надобности?

Возле высокого крыльца отдыхали несколько пропылённых машин и грязно-серая, с едва заметными подпалинами рыжая дворняга. Смотрела она грустно. «Всё равно ведь ничего не дашь», – написано было на её умной мохнатой морде.

Чем-то мне она не понравилась. Не то чтобы лаяла псина, скалила зубы – нет, ни намёка на агрессию. Но настроение вдруг испортилась, точно на дохлую мышь наступил. Что-то вспомнилось пакостно-склизкое и тут же забылось вновь, но гнилой запах, однако же, не желал выветриваться из мозгов.

А вот уже и рынок виден. Впрочем, его приближение и раньше можно было вычислить – народ стал мало-помалу появляться. Ну-ну, суббота, базарный день.

Нельзя сказать, чтобы торговля шла особенно бойко, но всё же я был удивлён обилием фруктов и овощей. Надо же, несмотря на засуху, что-то ещё растёт! Горы крутобоких яблок на прилавках (по-моему, недозрелых), крупная, едва ли не с детский кулачок малина, бутылочный отсвет крыжовника, и конечно, зелень, всюду зелень, огромные пучки лука, даже на расстоянии испускающие пронзительный аромат, душистый укроп, и налитая рыжим хрустом морковь, и вёдра удивительно чистой картошки, не то что у нас в Столице, чёрные от грязи магазинные клубни, нет – здесь каждое «земляное яблоко» было заботливо отмыто, и дразняще отсвечивало то жёлтым, то синевато-розовым.

Я шёл мимо всего этого огородного буйства, не торопясь, разглядывал дары природы, кое-где даже попробовал приценится – не всерьёз, конечно, но исключительно из спортивного интереса. Кстати, цены здесь оказались ненамного ниже столичных, так что прощай мечта о провинциальной дешевизне. Хотя, впрочем, это понятно – в такое лето, в такой адской топке, и всё же что-то выросло…

Странно, то торговали и грибами – и это по такой-то жаре. Несколько хмурых, помятых жизнью тёток стояли в ряд, и на их газетках красовалось разложенное богатство – груды смахивающих на апельсиновые корки лисичек, крепкие на вид, солидные боровики. И скользкие, рыжеватые маслята, поблёскивают плёночкой…

– Места знать надо, – сообщила мне одна из тёток, заметив моё недоумение. – Ну что, молодой человек, берёте? Недорого совсем…

– Спасибо, – кивнул я. – В другой раз.

И, не оглядываясь, быстро зашагал к выходу.

Такие же маслята были и в корзине, что пристроилась у меня на коленях. Не столь уж удачным выдалось лето – втроём едва заполнили тару, хотя собирали чуть ли не с самого утра. Солнце уже потихоньку сползло к горизонту, когда, наконец, наш «Гепард» негромко взревел и, набирая скорость, покатился по горячему асфальту.

Папа гнал, конечно, лихо. Наверное, ему просто хотелось быстрее добраться до дома, принять душ и устремиться к телевизору. Он не мог спокойно уснуть, не выслушав последних известий. Мама в этом отношении была поспокойнее, но всё же отцовский пыл частично затронул и её. Тем более, до выборов оставалось не больше двух недель, официальные прогнозы родителей только смешили, а разговоры с друзьями на нашей чистенькой шестиметровой кухне – пугали.

– Ты видишь, как они умнеют прямо на глазах? – говорил в таких случаях дядя Олег, давнишний, ещё с институтских времён, папин приятель.

– Это не ум, это хитрость дурака, – обычно отвечал папа, но как-то невесело кривились у него губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.